

"Life under the german": sexual violence in the occupied regions of the Ukrainian SSR (1941–1943)

A. V. Marchukov¹

¹Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov Str.,
Moscow 117292, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-574-583

Research article
Full text in Russian

The article deals with sexual violence and the policy of German and Romanian aggressors against Soviet women in 1941-1943 (on the example of the southern and eastern regions of the Ukrainian SSR). On the basis of archival eyewitness testimonies, the moral, medical and social aspects of sexual violence and other forms of sexual relations and their perception in society are considered.

Keywords: The Great Patriotic War; occupation; sexual violence; the Ukraine; Donbass; Odessa

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Marchukov, Andrey V. | E-mail: marchukov@mail.ru
Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow

«Жизнь под немцем»: сексуальное насилие в оккупированных областях Украинской ССР (1941–1943 гг.)

А. В. Марчуков¹

¹Институт российской истории РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117292, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-574-583
УДК 93/94

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье идёт речь о сексуальном насилии и политике немецких и румынских захватчиков в отношении советских женщин в 1941–1943 гг. (на примере южных и восточных областей Украинской ССР). На основании архивных свидетельств очевидцев рассматриваются моральные, медицинские и социальные аспекты сексуального насилия и иных форм половых отношений и их восприятия в обществе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; оккупация; сексуальное насилие; Украина; Донбасс; Одесса

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марчуков, Андрей Владиславович

E-mail: marchukov@mail.ru

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Война – это всегда трагедия. Она несёт смерть, насилие, разорение. В наибольшей степени от войны страдает мирное население, в первую очередь то, что оказалось в зоне боевых действий и на оккупированной врагом территории. Тяжело ему приходится в силу «обычных» следствий войны, но особенно тогда, когда враг сознательно не делает разницы между комбатантами и мирными жителями, стремится к уничтожению гражданского населения или причинению ему максимального морального и материального вреда. Именно так вели себя по отношению к граждан-

скому населению оккупированных областей СССР и, в частности, в южных и восточных областях Украинской ССР, немецкие захватчики и их союзники в годы Великой Отечественной войны.

Одним из видов чинимого над мирным населением насилия является насилие сексуальное. На первый взгляд оно не столь заметно на фоне разрушенных городов и сожжённых деревень, массового уничтожения людей, сознательного создания для них тяжёлых материальных условий, ведущих к росту смертности. Однако оно не менее тяжёлое и чувствительное как для отдельного человека, так и для общества и государства в целом.

Сексуальное насилие, тем более имеющее массовый характер, – это большая комплексная проблема. Оно наносит ущерб значительным группам населения, прежде всего женщинам, отражается на состоянии их здоровья, сказывается на системе здравоохранения, на моральном состоянии общества, социальных и семейных устоях. Со всеми этими явлениями пришлось столкнуться в годы войны населению СССР – на оккупированных врагом территориях, а затем после их освобождения.

Германский нацизм рассматривал славянские народы, особенно русский, как стоящие в расовом и культурном отношении ниже немцев и других народов Европы. Их численность предполагалось значительно сократить с помощью политических, социально-экономических и демографических мер, подорвать их жизненные силы, выселить в восточные районы СССР, а оставшихся низвести до уровня обслуги немецких хозяев. Такими установками и было продиктовано отношение захватчиков к оказавшемуся под их властью населению. В том числе и пути «сексуального взаимодействия» с ним, о чем свидетельствовало даже снаряжение немецких военнослужащих: при пленных и убитых нередко обнаруживали презервативы, что вызывало у наших воинов особенную ненависть. Среди вещей убитого немецкого радиста «оказалась и пачка белых и тонких резиновых <...> презервативов, которую бросили рядом с трупом, – вспоминал бывший зенитчик Ю. В. Владимиров (дело было под Харьковом в мае 1942 г.). – Они вызвали особенно сильную злобу у пожилых военнослужащих, говоривших, что эти предметы являются явным свидетельством того, что оккупанты насилуют наших женщин, попавших под их власть» [1, с. 223].

То, что враг несёт не только смерть и неволю, но и бесчестие, было ясно. И подавляющее большинство девушек и женщин этого страшилось, стараясь спрятаться, спрятать дочерей, уйти подальше. Штурман звена 11-го бомбардировочного авиаполка лейтенант К. П. Демьяненко, сбитый 8 июля 1941 г. в районе Бердичева, по возвращении докладывал, что, пробираясь к линии фронта, познакомился с двумя девушками-комсомолка-

ми, «которые сутками проживали в овраге», прячась от немцев. Одна была комбайнёром, другая – школьницей. Девушки оказали ему помощь одеждой и пищей. Прощаясь, «они сильно просили не забывать о них, о комсомолках, поскорее прогнать мерзавцев» [2, л. 351]. Что стало с ними? Ведь освобождение пришло без малого через три года...

Таких женщин и девушек, кому невыносима была сама мысль жизни «под немцем» (в переносном и прямом смысле), были миллионы. Конечно, далеко не всех женщин коснулось сексуальное насилие и захватчики вели себя по-разному. Но в целом такая проблема была и носила массовый характер. Для примера возьмём оккупированный немцами Донбасс и оккупированную румынами Одессу. Взглянуть на проблему помогут стенограммы бесед с жителями Сталино и Одессы, записанные вскоре после их освобождения сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны при АН СССР.

Насилие над советскими женщинами захватчики творили не только в «стихийно-индивидуальном» порядке. На занятых территориях они заводили публичные дома – для офицеров и солдат, для немцев и их союзников. Так, вскоре после захвата Сталино они организовали два публичных дома: один для немцев (на 7-й линии, дом 20), другой – для итальянцев (в Студгородке) [3, л. 2 об.]. По свидетельству профессора А. И. Чаругина, во время оккупации возглавлявшего отдел здравоохранения городской управы, приезжавшие в город немецкие генералы и медработники интересовались наличием подобных заведений. Удивившись, что в СССР их нет, они «исправили» этот «недостаток» [4, л. 4]. Появились официальные объявления о наборе в эти дома «сотрудниц». Такие заведения открылись и в других более-менее крупных городах. Не отставали и румыны: в Одессе было открыто несколько публичных домов, один из них, с вывеской, находился на Ланжероновской улице [5, л. 4].

После освобождения захваченных территорий, в том числе Донбасса, представителям советских органов власти пришлось констатировать целый ряд негативных явлений морально-психологического плана, коснувшихся пережившего оккупацию населения. И среди них – нравственную и половую развращённость. К примеру, прокурор Центрального района Сталино Н. А. Фирябов в беседе с членами Комиссии рассказал, что значительное количество проживавших в городе женщин вело при немцах развратный образ жизни (продолжали они себя «очень вольно и развязно» держать и после освобождения). К такому мнению он пришёл на основании слов многих других женщин, с которыми он беседовал. «О том, что немцы насильовали – это брехня, – говорил Фирябов. – Действительно, я убеждаюсь, что, наоборот, женщины сами насильовали немцев <...> Не без это-

го, конечно, но чтобы это (т. е. изнасилования со стороны немцев. – А. М.) было массовым, этого нет» [6, л. 2 об.].

Ему вторил профессор Чаругин, сам переживший оккупацию. «Плохо вело себя наше население женское. Половина, по-видимому, была в этом отношении довольно неустойчива» [4, л. 4]. Конечно, утверждения о «половине», как и о том, что это женщины насиловали немцев, а не наоборот, были явным преувеличением. Однако такое явление имело место. Моральную неустойчивость некоторых женщин, сожительствовавших и гулявших с немцами и румынами, отмечали и многие другие, пережившие оккупацию. С тяжёлым чувством вспоминала поведение женщин, «хорошо принимавших» румын, одесситка Э. И. Малкина [5, л. 1 об.]. Отношение к такому поведению было негативным.

Вот типичный пример. Профессор Сталинского медицинского института А. В. Войнар вспоминал уличную сцену: женщина целовалась с немцем. Рядом с ним «шла простая баба деревенская. Как она её (то есть гуляющую. – А. М.) чистила! – рассказывал Войнар. – Ах ты, такая, сякая, – вслед ей, правда, не очень громко. – Мало вас, сволочей!». «У каждой женщины на фронте сын, или муж, или брат, и всё местное население в целом ожидало своих и ненавидело оккупантов», – пояснял он причины такого отношения [7, л. 4].

Оно даже нашло отражение в народном творчестве тех лет. В частности, в песне «Позор девушке, гуляющей с немцем», получившей широкое хождение на Донбассе и других оккупированных территориях. Исполнялась она на мотив известной песни «Спят курганы тёмные». К женщинам, которые «немцам улыбаются», сделали причёски «под немецких кукол», накрасились и «за пайку хлеба немцу продались», отношение было как к шлюхам [8, с. 275, 284]. Показателен случай, рассказанный подпольщицей Е. А. Киселёвой. Работники мариупольского гестапо привлекали арестованных женщин к домашним работам. Шеф гестапо давал обед, возле столовых приборов были расставлены карточки, кому где сидеть: мужчина, женщина, мужчина, женщина. Одна истопница, улучив момент, на карточках женщин написала «проститутка», «проститутка». Был скандал, работавших в доме женщин допрашивали и били, выясняя, кто совершил «диверсию» [9, л. 2 об.].

«Гулявших» с немцами девушек и женщин называли также «любезницами», а в рабоче-шахтёрской среде их подчас именовали «хравами» (от немецкого «фрау») [10, л. 13 об.]. Их поведение оценивалось как измена Родине. Ненависть и презрение вызывал не только сам факт любезничания и сожительства с иноземными захватчиками, но и то, что эти захватчики на каждом шагу демонстрировали своё превосходство и презрение, ненависть, жестокость по отношению к русским, русской культуре и России.

Помимо моральной составляющей, спровоцированной и поощряемой немцами «свободы нравов», была и не менее опасная – медицинская. С первых дней немецкой оккупации «катастрофически быстро» стали нарастать венерические заболевания, в том числе сифилис. По свидетельству врача-терапевта 2-й городской поликлиники С. П. Нериявской, работавшей в оккупированном Сталино, нормой у попавших в публичные дома женщин было от 8 до 12 человек в день. «Через 3 месяца женщины, попавшие в дом, теряли здоровье, силы. Их выбрасывали больных и уже негодных для жизни» [3, л. 2, 2 об.].

«Пришлось нам организовать венерическое отделение коек на сто, – свидетельствовал заведующий медотделом управы Чаругин. – Больных венерическими болезнями брали под полицейский надзор и, если кто уходил, даже расстреливали» [4, л. 4]. «Невероятное количество» венерических заболеваний стало отмечаться и в румынской оккупационной зоне – их принесли с собой румыны. В Одессе появилось много диспансеров и лечебниц (лечение там было бесплатным), в газетах печатались рекламные объявления с их адресами [11, л. 4].

Те, кто попадал в специальные отделения и «лагеря», содержались там до шести месяцев. Ввиду очень тяжёлого материального и финансового положения, в котором пребывало здравоохранение в оккупированном Донбассе (немцы не считали нужным заботиться о здоровье «рабов»), условия содержания там были жёсткие. «Немало попадало туда и незаражённых женщин, потому что практиковалась такая система опознавания. На кого покажет немец – хватали и без разговора в лагерь. По пьянке, по озорству, потому что насиловали ночью, они показывали, на кого вздумается», – рассказывала Нериявская. Нередко заразившиеся женщины «морально срывались» и «в отместку старались заразить несколько человек» [4, л. 3 об.; 3, л. 2 об.].

К сожалению, заражались не только немцы, но и свои, русские, и даже воины Красной Армии и представители органов власти – уже после освобождения оккупированных территорий. Н. Фирябов приводил пример, когда после общения с внешне как будто солидной дамой заразился военком Горловского военкомата [6, л. 2 об. – 3]. Неслучайно, что, зная о насаждавшейся оккупантами половой распущенности, и во избежание подобных инцидентов, командование Красной Армии строго следило за контактами воинов с женщинами на освобождаемых территориях. Для советской власти работа по установлению, изоляции и лечению больных (и прежде всего женщин) стала ещё одной заботой.

Те, кто говорил об аморальном поведении женщин и об их готовности сожительствовать с захватчиками, имели на то основания. Но правы они были только отчасти. На захваченных территориях действительно

нашлись девушки и женщины, настроенные именно на такой путь взаимоотношений с представителями оккупационных армий и гражданских властей (это явление было во всех странах). У кого-то из них моральная планка и так была невысока, кто-то оказался падок на деньги и подарки, кому-то нравилось «приобщение» к европейской моде, причёскам и представителям «культурной Европы». Кто-то поверил пропаганде, что Германия победила, советская власть не вернётся и потому надо привыкать жить в новых условиях. Кто-то искал защиты и выбирал путь сожительства (желательно с офицерами) как своеобразную «стратегию выживания» (впрочем, наукообразность этого определения не может подменить моральной стороны вопроса). Многие из таких женщин бежали с отступающими немцами или румынами. Отмечались и случаи продажи девушек (оказавшихся в трудном положении, например беженок из других областей) в публичные дома.

Были и другие причины, толкавшие женщин на такой путь. И первая – очень тяжёлые социально-экономические условия, в которые было поставлено население оккупированных территорий, прежде всего городское. Отсутствие работы, голод, скудные пайки. Горожане выживали за счёт «менки» – обмена в деревнях товаров и имущества на продукты и перепродажи на базаре. Некоторые женщины, особенно те, чьи профессии оказались не нужны или приносили мало пропитания, или те, кто находились в трудном материальном положении, остались без родни и защиты, имели на иждивении маленьких детей, становились на путь сожительства. «У нас долго, чуть ли не полгода, не было хлеба, – рассказывала о жизни в оккупированной Одессе библиотекарь О. П. Иванова. – Женщин покупали за кусок хлеба». Кто-то из дававших интервью осуждал таких, Иванова была не столь категорична: «Трудно обвинять женщин, которые имели детей. Надо кормить детей, надо как-то самой жить» [11, л. 4; 5, л. 1 об.].

К голоду добавлялось принуждение. Тем, «мало-мальски интересным» женщинам, кому приходилось сталкиваться по работе с немцами, следовали недвусмысленные предложения. В случае отказа или уклонения начинались преследования, издевательства, унижения, отправка на работы в Германию, а то и насильственное принуждение. Румынские жандармы принуждали к сожительству арестованных; тех, кто не соглашался, подвергали издевательствам [3, л. 2 об.; 5, л. 2].

Многие девушки и женщины, особенно вынужденные жить в домах и квартирах, где стояли немецкие солдаты и офицеры, испытывали на себе сексуальное давление. Инструктор Сталинского горкома комсомола Т. М. Кириллова, во время оккупации работавшая на железной дороге и проводившая агитацию, в том числе среди вражеских солдат, рас-

сказывала: «Стояли солдаты на квартирах. Как только войдёт женщина или девушка, бесстыдные разговоры о постели, половом акте. Я спросила однажды: “Неужели вы так же себя держите и в Германии со своими немками?” Нагло ухмыляясь, ответили: “Мы шутим”» [12, л. 1 об.]. Отбиваться от приставаний удавалось благодаря твёрдости, иногда (такие случаи бывали) – жалуясь вышестоящим немецким командирам [13, л. 2] (тут, правда, крылась опасность попасть уже под их «ухаживания»).

А другие не шутили. «Очень многих женщин погубили так – придерутся к чему-нибудь, скажем, плохая маскировка, вызовут как будто для допроса и изнасилуют», – рассказывала о буднях оккупированного Сталино С. Нериявская [3, л. 2 об.]. Насиловали и без всяких предлогов – по праву сильного, по праву «господ», вымещая злость за поражения на фронте. Насиловали, невзирая на возраст. Примеров тому тысячи. Вот лишь один. В посёлке Капиновка в один из домов ворвалось четверо немецких солдат, избили отца и его 15-летнего сына, связали жену и на её глазах все четверо изнасиловали 14-летнюю дочку. А затем ограбили дом. «Девочка вне себя. Я долго её успокаивала, – рассказывала Нериявская, – говорила, чтобы она отнеслась к этому насилию как к тяжёлому ранению, как к укусу дикой собаки»; мать очень опасалась её самоубийства [3, л. 3]. Насиловали и румыны; но одесситы, видевшие и румын и немцев, отмечали некоторые различия в поведении оккупантов. Румыны, скорее, покупали: «входили во двор и говорили: “я хочу любить”». Немцы же насиловали «направо и налево», невзирая на возраст жертв [11, л. 4].

Бывали и комичные ситуации. Так, в один из барачков, где жили донецкие шахтёрки-красноармейки (жёны воинов) заявился немец и под видом медосмотра отобрал себе одну. Но она, будучи крупной и крепкой, сгрэбла немца в охапку. На её крик прибежали другие женщины и избили его, немцу удалось вырваться и сбежать, но без штанов. Женщина в испуге за себя и ребёнка скрылась в деревне, но инцидент последствий не имел: немец счёл за лучшее скрыть свой позор [3, л. 3]. Но гораздо больше было таких случаев, когда женщины теряли честь, психическое и физическое здоровье.

Бывало и так, что «любезничанье» диктовалось высокими патриотическими чувствами и задачами борьбы с врагом. Тому есть немало примеров, один привела Е. Киселёва, во время войны проживавшая на Донбассе, в Херсоне и Одессе, занимавшаяся подпольной работой и испытывавшая на себе ужасы немецкой карательной системы. В Мариуполе девушка-подпольщица, медсестра по имени Мария, устроилась на работу в гестапо уборщицей. Она вошла в доверие к шефу майору Вульффу, ходила в кино и театр с переводчиком, унтер-офицером Арнольдом. Но её кавалер, по словам Киселёвой, и раскрыл группу, увидев Марию с челове-

ком, оказавшимся подпольщиком. Желая отомстить, она во время отдыха на море зарезала Арнольда, но и сама была убита майором Вульфом [9, л. 1–1 об.]. Порой подпольщики и партизаны намеренно подсылали к немцам и румынам симпатичных девушек, через них добывая нужные сведения или доступ к документам [14, л. 2].

Что испытывали женщины и девушки, «любезничая» с врагом, вынужденные переступить через свою гордость и честь, сносить презрение и осуждение окружающих? Как правило, истинные мотивы их поступков так и оставались неизвестными для людей, а то и советских органов, и в памяти они оставались именно как «шлюхи».

Одним из следствий насилия или добровольного согласия на сожительство становились «прижитые» от немцев и прочих оккупантов дети (порой их звали «фриценятами»). Их старались подбросить, сдать в детдом или найти им русского отца. Доходило до судебных разбирательств и анализа крови. Ситуация усугублялась тем, что у кого-то из таких женщин на фронте были мужья. Когда вскрывалась правда, рушились семьи. В органы власти поступали письма от бойцов и командиров с просьбой развести их с такими жёнами, забрать у них детей, наложить арест на имущество [6, л. 3]. Причина сожительства – по своей ли воле или по принуждению и насилию – уже значения не имела. Случались и оговоры, ошибочные или злонамеренные, невиновных женщин [15, с. 66, 68].

Сексуальное насилие, прямое или опосредованное, сломало судьбы тысячам и тысячам советских женщин, а через них – их мужьям, детям, родным. И главная причина тому лежала в аморальной и бесчеловечной политике немецких оккупантов и их союзников, сознательно сеявших среди попавшего под их власть населения моральное разложение и распущенность, чинивших насилие, наносивших вред его физическому и психическому здоровью. Последствия сказывались ещё долгие годы.

Ссылки

1. Владимиров Ю. В. Война солдата-зенитчика: от студенческой скамьи до Харьковского котла, 1941–1942. М.: Центрполиграф, 2010. 319 с.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 228. Оп. 747. Д. 7.
3. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 16.
4. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 13.
5. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 14. Д. 25.

6. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 8.
7. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 12.
8. Ковалёв В. Н. «Простит ли Россия?»: Общерусские акценты в советской пропаганде в период Великой Отечественной войны // Между Москвой, Варшавой и Киевом: сб. ст. М.: Б. и., 2008. 320 с.
9. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 38.
10. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 5.
11. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 14. Д. 16.
12. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 15.
13. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 11.
14. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 14. Д. 41.
15. Руднев Б. К. Дневник оккупации: г. Лебедин Сумской области. Харьков: Харьковский частный музей городской усадьбы, 2011. 72 с.